

Роса беззвучно скатывалась с края крыши, рождая едва уловимый звук в тишине утренней зари.

Сяо Хэ стоял поодаль, не сводя замороженного взгляда с Янь Цю, сидевшего за столом. Утренний свет, пробиваясь сквозь легкую дымку, окаймлял золотом его белоснежные одежды, но не мог растопить ледяную стужу, окутывавшую его фигуру.

— Учитель, выпейте чаю.

Сяо Хэ протянул ему нефритовую чашу. Когда Янь Цю взял её, их пальцы соприкоснулись, и холод пронзил Сяо Хэ до самых костей. Это было совсем не то тепло, что он помнил пять лет назад, когда эти руки вытащили его из кровавого месива трупов и крепко прижали к груди, защищая от всего мира.

Янь Цю, казалось, постепенно привыкал к присутствию Сяо Хэ. Тот взял на себя заботу о его трапезах, а со временем начал помогать и с одеждой.

— Учитель, вы уже надевали эту корону позавчера. Сегодня наденьте эту.

Янь Цю не желал спорить — в таких мелочах он во всем уступал его воле. Ему и самому было так спокойнее, поэтому он просто взял деревянный гребень и принялся медленно расчесывать волосы.

— Учитель, позвольте ученику собрать вам волосы.

Возможность взять из рук Янь Цю гребень наполняла Сяо Хэ радостью. После сна кончики пальцев Янь Цю были теплыми, а волосы рассыпались по плечам в небрежном беспорядке. Эту усталость мог видеть только он.

— Учитель, сегодня наденьте корону из синего нефрита.

Сяо Хэ осторожно вытащил деревянную шпильку из волос Янь Цю, и черные пряди, подобно водопаду, хлынули вниз, разметавшись по широким плечам. В медном зеркале отражались глаза Янь Цю, в которых ещё теплилась остаточная сонливость; слегка покрасневший взгляд придавал его лицу пуще прежнего притягательную окраску. Это был утренний свет, принадлежавший только ему.

— А-Чжао, не слишком ли хорошо ко мне относится этот Сяо Хэ?

— Не бери в голову. Здесь тебя максимум потискают, а потом Янь Цю умрет, и шанса быть вместе у вас не будет.

— Как я и думал, Сяо Хэ перешел все границы, раз посмел полюбить собственного учителя.

Тишину нарушил вошедший в комнату Лю Сянь.

— Это и есть твой прямой ученик? Талант неплох, можно учить.

Этот человек, казалось, был очень близок с Янь Цю.

— Лю Сянь, друг Янь Цю и глава Павильона Бога Лекарств, именно он лечит тебя от яда холода.

Янь Цю слегка изогнул губы:

— Разве я когда-нибудь ошибался в людях?

Затем Янь Цю кивнул и медленно направился во внутреннюю комнату. Не дожидаясь, пока Сяо Хэ последует за ним, он остановился и обернулся:

— Приходи через три дня.

Голос его звучал твердо, не допуская возражений.

— Слушаюсь, Учитель.

Сяо Хэ сжал нефритовую шпильку так сильно, что костяшки пальцев побелели. В душе поднялась тревога, но ему пришлось подавить её и молча последовать за Янь Цю.

Увидев, что Янь Цю закрыл дверь, Лю Сянь развалился на кушетке, разом лишившись своего прежнего благородного вида.

— А-Чжао, он так близок с Янь Цю, что мне делать?

— Можешь сесть рядом с ним и напомнить, чтобы он держал осанку.

Янь Цю подошел к кушетке, с холодным лицом сел и отпил чаю из маленькой чашки. Не дожидаясь, пока Янь Цю сделает то, что нужно, Лю Сянь произнес:

— Тогда начнем.

Янь Цю нахмурился, не зная, как поступить.

— Иди на кровать.

Снова, не дожидаясь действий Янь Цю, Лю Сянь усмехнулся:

— Что такое? Столько раз уже делали, а всё ещё боишься?

Янь Цю натянуто улыбнулся, снял обувь и носки, забрался на кровать и сел, скрестив ноги. Лю Сянь расположился у него за спиной, высвободил внутреннюю силу и ударил, отчего воздух вокруг, казалось, замер.

Холод хлынул наружу, и Янь Цю не выдержал. Больно. Как же чертовски больно! К горлу подкатила кровь, но Янь Цю с трудом проглотил её.

— Здесь нет чужих, не обязательно терпеть.

Голос Лю Сяня за спиной звучал с оттенком жалости. Он снова применил силу, и Янь Цю резко выплюнул полный рот крови. Он не то чтобы не хотел терпеть, просто это было невозможно вынести!

Сяо Хэ прождал в бамбуковой роще до следующего дня, до крови впиваясь ногтями в ладони. Когда сгустились сумерки, а во дворе всё ещё не было ни звука, он не выдержал и вошел.

Лю Сянь почувствовал чужое присутствие, и в его глазах мелькнуло раздражение. Он снова передал через золотые иглы мощный поток энергии в тело Янь Цю. Этот напор был слишком яростным, лишенным прежней плавности.

— Снаружи кто-то есть. Я введу в тебя всю силу лекарства, а ты позже перенаправь внутреннюю ци и прогони эту энергию по всему телу.

Янь Цю выплюнул кровь — сил следовать инструкции у него уже не было.

— Нет сил...

Лю Сянь подхватил теряющего сознание мужчину, взмахнул рукой, отшвыривая мешающий табурет, и уложил его на кровать.

Во дворе царила тишина, но Сяо Хэ, услышав звук отодвинутого табурета, поспешил войти. Янь Цю был бледен, лоб покрывал холодный пот, в уголках губ запеклась кровь. Пряди волос прилипли к лицу, а изящная шея покоилась на сгибе локтя Лю Сяня. Тот, догадавшись, кто

вошел, не обратил на него внимания и спокойно уложил Янь Цю на кушетку.

— Учитель! — Сяо Хэ бросился к нему.

Но... увидев Сяо Хэ, Янь Цю не обрадовался. Ему хотелось прибить его.

— Можно ударить.

Услышав слова Юнь Чжао, Янь Цю перестал колебаться и влепил Сяо Хэ пощечину. Это был первый раз, когда Янь Цю ударил его, и сделал он это ради другого человека. Лю Сянь похлопал Янь Цю по плечу, словно пытаясь утешить.

Янь Цю, бледный как полотно, выгнулся дугой, холодный пот стекал по его щекам на нефритовую подушку, оставляя темные пятна.

— Вон!

Когда Янь Цю выкрикнул это, из уголка его рта снова потекла кровь. Лю Сянь немедленно запечатал его сердечный меридиан:

— Не гневайся.

Затем он повернулся к Сяо Хэ и рявкнул:

— Десять лет твой учитель каждый месяц переносит эту пытку, а ты ещё смеешь приходить и мешать!

Сяо Хэ словно громом поразило. Воспоминания внезапно стали четкими: десять лет назад в Области Сюаньтянь сменился правитель, повсюду царил хаос, демонические культиваторы подняли головы. Их деревню вырезали, и именно Янь Цю внезапно появился в снежной буре, спасая ему жизнь, но сам тогда получил тяжелое ранение. Когда клинок из черного железа с синеватым отблеском, отравленный ядом, опустился на него, Янь Цю голыми руками схватился за лезвие, прикрывая его собой.

Тот меч, закаленный тысячетлетним ядом холода, навсегда оставил след на запястье Янь Цю. Сейчас Лю Сянь держал это самое запястье, прощупывая пульс — на бледной коже до сих пор виднелись шрамы тех лет.

Лю Сянь метнул золотые иглы, запечатывая важные точки на теле Янь Цю, и насмешливо бросил Сяо Хэ:

— Павильон Бога Лекарств берет плату за спасение жизней. Если бы не долг твоего учителя за спасение в Личжоу три года назад...

Янь Цю вдруг зашелся в приступе кашля, и Лю Сянь тут же замолчал, помогая ему лечь. Только теперь Сяо Хэ разглядел под белоснежной нательной рубахой густую сеть золотых игл, каждая из которых была связана с тончайшей нитью силы. Это была знаменитая техника продления жизни Павильона Бога Лекарств.

— Глава павильона Лю... — Сяо Хэ тяжело опустился на колени и забил поклоны. — Умоляю, спасите Учителя.

Лю Сянь швырнул ему рецепт:

— Не бездельничай, иди вари отвар.

Когда сумерки окрасили оконные переплеты, Янь Цю наконец открыл глаза. Руки Сяо Хэ, державшего чашу с лекарством, дрожали. В клубах пара он тихо спросил:

— Больно?

Сказав это, он тут же осознал, что нарушил границы дозволенного. Сяо Хэ смотрел на холодный пот, проступивший на затылке Янь Цю, и в груди заныло от острой боли. Всегда прямая спина Учителя сейчас была чуть согнута, словно бамбуковая ветвь под тяжестью снега, но стоило ему поднять взгляд, как глаза вновь сияли чистотой. Эта хрупкая и в то же время острая красота заставила сердце Сяо Хэ пропустить удар.

— Умерь гордыню и нетерпение.

Наставление Янь Цю растворилось в аромате трав. Сяо Хэ смотрел на бледные вены на его запястье и внезапно вспомнил, как пять лет назад отравленный клинок глубоко рассек эту руку. Тогда кровь брызнула на снег, и алые цветы, распустившиеся на нем, ничем не отличались от крови на губах Янь Цю сегодня.

В просвете между тенями бамбука Сяо Хэ внезапно прижался лбом к коленям Янь Цю. Сквозь парчовые одежды с облачным узором ему послышался тонкий хруст льда в дантяне Янь Цю. Это яд холода пожирал золотое ядро.

— Не тревожься, всё будет хорошо.

Янь Цю говорил искренне, но Сяо Хэ уже не слышал ни слова. Янь Цю был бледен, от него исходила такая слабость, но даже сейчас... Сяо Хэ находил его прекрасным, пугающе прекрасным.

Лю Сянь, похоже, не желал слушать их неловкие признания, бросил косой взгляд на Сяо Хэ и вышел. Не в силах сдержаться, Сяо Хэ бросился вперед и обнял Янь Цю. Тот вздрогнул, не зная, как реагировать.

— Не торопись отвечать, послушай, что он скажет.

Заметив, как Янь Цю слегка дрожит, Сяо Хэ про себя усмехнулся.

— Учитель... Ученик испугался, что кто-то чужой приблизится к вам и навредит, вот и поторопился...

Этому оправданию Учитель должен поверить.

— Я понял, — Янь Цю не оттолкнул его. — Отпусти.

Сяо Хэ отстранился, кончики его пальцев едва коснулись носа. От него пахло так приятно, так тонко... словно от цветка на вершине неприступной горы.

Янь Цю встал и вышел наружу, встав плечом к плечу с Лю Сянем. Он машинально завел руки за спину и поднял глаза на бамбуковую рощу.

— А-Чжао, как завершить задание? Как умереть?

— Тебе нужно на позднем этапе обнаружить чувства Сяо Хэ, выгнать его из школы, а затем, спустившись с горы, погибнуть от рук культиваторов Области Блуждающих душ.

— Раз уж я его выгнал, зачем мне его искать?

— Кем бы ни был человек, если Янь Цю узнает, что его жизнь в опасности, он всегда придет на помощь.

— А зачем тогда выгонять? Нельзя ли скрыть правду? Разве не безопаснее держать его рядом?

В голове воцарилась тишина. Янь Цю пришел в себя и тихо произнес:

— Лю Сянь, ты помнишь, как мы познакомились?

Лю Сянь слегка наклонил голову:

— Хм, три года назад в Личжоу я встретил Янь Цзина из Области Блуждающих душ, и ты спас

меня. Как я могу такое забыть? Я не из тех, кто не помнит добра.

Янь Цю улыбнулся:

— А если бы я не справился с ядом и умер, что бы ты сделал?

— Тьфу-тьфу-тьфу! Пока я рядом, как ты можешь умереть? Если глава Павильона Бога Лекарств не может подавить какой-то жалкий яд, ему лучше вернуться домой в Сюньчжоу и разводить кур.

Янь Цю невольно рассмеялся, и в его взгляде почти не осталось прежнего холода.

— Не мне судить о том, как ты спас того ребенка, но тебе не стоило так рисковать жизнью ради других.

— Но я до сих пор жалею, что опоздал тогда.

Сяо Хэ стоял позади них, потупив взор.

Бамбуковое море внезапно заколыхалось, словно волны. Сяо Хэ смотрел на спины Янь Цю и Лю Сяня, стоящих рядом, и до него доносились обрывки фраз:

— Другие... рисковать жизнью...

— Жалею... опоздал...

Ветер закружил серебряный бубенчик на поясном мешочке Лю Сяня, и его звон заглушил всё остальное.

<http://bllate.org/book/18864/1841143>